

«Для музыки я родился в Тифлисе»

Начало пути Федора Шаляпина

Корганов в рецензии на «Русалку» без участия Шаляпина написал: «В роли Мельника мы предпочли бы видеть г. Шаляпина, игра и пение которого в этой партии произвело более сильное впечатление, чем даже многих известных выдающихся "мельников", и которому, кстати, следовало бы показать себя в этой роли, прежде чем выступать Мефистофелем, жрецом Изиды и т.п.».

Но Мельника Шаляпину удалось спеть только в конце сезона, а до этого он произвел громадное впечатление ярким исполнением партии Тонио в «Паяцах» Леонкавалло, впервые поставленных в Тифлисе. Сам он отметил в автобиографии: «Роль Тонио легко укладывалась в диапазоне моего голоса, и я довольно удачно играл ее. Опера ставилась часто и шла с неизменным успехом».

Корганов писал о Шаляпине: «Игра, манера пения — все это было естественно, выразительно, художественно и вызывало шумное одобрение публики». Шаляпин на всю жизнь запомнил заботу и внимание своего первого рецензента. По поводу Шаляпина-Тонио В.Корганов написал, что он «вызвал восторг нашей публики и мог бы своей осмысленной игрой вызвать восторг самого автора». И подвел итог: «Два года назад Шаляпин приехал в Тифлис хористом опереточной труппы, и тогда же на его выдающийся голос обратил внимание известный преподаватель пения, бывший артист императорской московской оперы Д.А.Усатов. В краткий срок своего учения у почтенного педагога г. Шаляпин выработался в выдающегося артиста. Природа, давшая ему талант, дополнила дело теории, и в общем получилось то, чего никто из тифлисцев ожидать не мог». («Я всегда внимательно и с любовью слушал поучения этого человека, который, вытащив меня из грязи, бескорыстно отдавал мне свой труд, свою энергию и знания», — писал об Усатове Шаляпин).

Работа была настолько напряженной, что «Тифлисский листок» написал: «Нельзя не заметить, что постоянное участие начинающего артиста чуть ли не в каждой опере и в каждом представлении едва ли благоприятно повлияет на его голосовые средства и дальнейшее музыкальное развитие. Такая нерасчетливая растрата совсем еще свежих артистических сил, спешность, а вследствие этого неизбежная небрежность в изучении все новых и новых партий — все это может очень плохо отозваться на юном артисте, только что вступающем на оперно-сценическое поприще».

К счастью, как писал Шаляпин, он «слишком любил свое дело, чтобы относиться к нему легкомысленно. И хотя у меня не было времени изучать новые роли, я все-таки учил их на ходу, по ночам. Каждая роль брала меня за душу». Ночное пение не всегда

нравилось соседям и хозяевам, и как-то, придя вечером домой, артист увидел свои вещи сложенными у порога...

Разыскивая материалы о жизни Шаляпина в Тифлисе, мы обратились к сыну артиста Федору Федоровичу, жившему в Риме. Он ответил: «Я кое-что нашел в Италии в нашем старом доме в Монзе и таким образом спас этот милый материал, которому грозила гибель, ибо дом этот пришел в полное разрушение и был продан на слом. Это готовое клише двух редчайших фотографий отца в ранние годы его начинания как актера. Это будет мой первый вклад в ваше трудное дело». Оба снимка запечатлели Шаляпина в роли Мефистофеля. На одном из них его рукой было написано: «1892-й год. Тифлис. Зима. Кружок муз. Арцруни... Учение Усатова — ученик. спектакль. Снимался в фотографии Клара». На другой: «Неудачно!!!»

В конце сезона Шаляпину дали не обусловленный в договоре бенефис за то, что он «оказал делу больше услуг, чем ожидали», как выразился управляющий труппой. Публики собралось очень много, и артист имел большой успех. Ему подарили золотые часы, серебряный кубок, и он получил 300 рублей от сбора. Но самым дорогим был подарок учителя: со старой, когда-то ему самому преподнесенной ленты он вытравил слово «Усатову», написал «Шаляпину» и преподнес ее вместе с лавровым венком. А Корганов написал в корреспонденции для петербургской газеты: «Это артист-самородок, вышедший, что называется, "из толпы". Если он не остановится на пути своего артистического развития, увлекшись легко доставшимися лаврами, то в недалеком будущем он будет занимать одно из первых мест в ряду выдающихся артистов».

С конца сентября — начала февраля 1894 года, за пять месяцев, Шаляпин выступил в 62 спектаклях, то есть чаще, чем раз в три дня. Подводя итоги сезона, Корганов призвал Шаляпина не почитать на лаврах и думать «о столичных сценах, где можно найти образцовое исполнение и куда мечтаешь попасть каждый истинный артист, как солдат в генералы».

Шаляпин вместе с Иваном Перестиани отправился в путешествие по Грузии. Он любовался заснеженными вершинами, часами мог слушать шум горных рек, бродил по крутым тропам. Позже, выступая в частной опере Мамонтова в Москве, Шаляпин, игравший роль Ивана Грозного в «Псковитянке», рассказывал товарищам, что надетая на нем очень древняя длинная и тяжелая кольчуга из кованого серебра была куплена во время этой поездки у старшины хевсуров.

А еще позже, готовя партию Демона, Федор Иванович говорил, что ему помогли воспоминания о могучих горных вершинах и тем-наедалеко от грота, друзья посадили два дерева (Иван Николаевич Перестиани рассказывал нам, что эти деревья растут и сейчас).

В поездке Шаляпин признался своему другу, что совет Корганова запал ему в душу, что он хочет дерзнуть и поехать в одну из столиц.

В Тифлисе Шаляпин дал прощальные концерты. «Успешный сезон в Тифлисской опере, — вспоминал он, — меня окрылил». Усатов решительно одобрил намерение ученика, дал ему несколько рекомендательных писем, и в середине мая, распрощавшись с друзьями, Шаляпин отправился в Москву.

7.

Успех Шаляпина в Тифлисе обратил на себя внимание театральной Москвы и Петербурга. Перестиани вспоминал: «Грузия — музыкальная страна. Музыкальный слух народа чрезвычайен, и вся страна поет. Отсюда понятна требовательность к певцам. Успех оперного артиста в Грузии всегда являлся "маркой" для него, равно как и для других музыкальных исполнителей. Это знала вся тогдашняя Россия. И то, что первые аплодисменты Шаляпину прогремели именно здесь, не случайность».

В августе 1894 г. в Петербурге было организовано товарищество, снявшее под оперные спектакли Панаевский театр. Во главе товарищества встал И.А.Труффи, приехавший в Петербург вслед за Шаляпиным. Старый тифлисский знакомый был единственным человеком в столице, знавшим молодого артиста и верившим в его большое будущее. Он и помог Шаляпину поступить в театр. На открытии сезона Федор Иванович пел Мефистофеля.

Здесь же, в Панаевском театре, впервые услышал его Савва

Ф. Шаляпин в "Псковитянке".
Тифлис.

Иванович Мамонтов, о котором Шаляпин так много слышал от Труффи еще в Тифлисе и знакомство с которым сыграло в его жизни такую огромную роль. В Панаевском театре Шаляпин познакомился и с художником К.А. Коровиным, который рассказал в воспоминаниях о первой встрече с «молодым человеком очень высокого роста, блондином со светлыми ресницами и се-

рыми глазами. Молодой человек был озабочен и жаловался, что в Панаевском театре платят меньше, чем в Тифлисе:

— Пошлю-ка я их к черту и уеду в Тифлис. Что в Петербурге?.. А там тепло, шашлыки, майдан. Бани какие. И Устав... Я ведь здесь никого не знаю».

Шаляпин с удовольствием рассказывал о своей жизни в Тифлисе, о друзьях и приключениях, о работе в опере. «Этот город оказался для меня чудодейственным», — повторял он. В Тифлис от него приходили письма и фотографии. Особенно часто он писал В.Д. Корганову, обстоятельно осведомляя его о первых шагах на казенной и частной сценах, о сыгранных ролях. К сожалению, большинство этих писем не найдено.

Нам удалось обнаружить два: одно целиком, а второе — в небольших отрывках. Но прежде чем привести их, необходимы некоторые пояснения.

В 1895 г. Шаляпин был принят в императорский Мариинский театр. В нем были свои знаменитые басы, и молодому артисту на первых порах выступать давали немного — втрое меньше, чем в Тифлисе. Корганов в своих пись-

мах настойчиво советовал как можно скорее выступить в ролях Мельника и Мефистофеля, которыми, по его мнению, он мог сразу покориť публику. Шаляпину почти не удавалось это сделать, и он писал: «На Мариинской сцене мне дают лишь второстепенные роли, а просьбу мою о роли Мельника и слышать не хотят, ведь на этой сцене такие замечательные исполнители Мельника, как Мельников и Стравинский».

В начале 1896 г. Корганов был в Петербурге, но увидеться не удалось, а по возвращении в Тифлис он получил от Шаляпина письмо:

«28 января 1896 года.

Я не знаю, право, как вас благодарить, дорогой Василий Давидович, за Вашу добрую память обо мне... Я получил Вашу карточку, но, увы, до сих пор никак не мог ответить на дорогое приветствие, а впрочем, «Бог вас благословит, а я не виноват», — говорит гордыйничий у Гоголя, этой же фразой отвечу теперь и я. В то время, когда мне принесли Вашу карточку, я уже лежал без памяти в кровати, и дня через три меня препроводили в госпиталь дворцового ведомства, откуда я в настоящую минуту и строчу Вам благодарственное послание.

Вы, конечно, пожелаете узнать, что стряслось, — так вот, послушайте: на праздниках масса маскарадов, балов и проч. — и вот, шлясья по этим проклятым балам и маскарадам, я порядочно простудился и получил инфлюэнцию; все бы ничего, но эта проклятая инфлюэнция осложнилась... (ишь ты, куда хватила). И... да... Сделалось воспаление и довольно острое. Показывали, конечно, дохтурам, но эти самые «дохтура» дали ужасно разноречивые отзывы, один нашел у меня тиф, другой — воспаление брюшины, третий — дифтерит кишок, а четвертый так сказал, что у меня беременность или обермененность в желудке.

Наконец, в госпитале вполне определили болезнь и начали лечить. Я был в положении довольно опасном, доктора ждали нагноений и, может быть, гангрены, но, слава Богу, прошло благополучно и теперь выздоравливаю. Невелик через полторы буду совсем здоров и поведу концерттировать с Фигнером, но он, чтоб ему пусто было, по каким-то соображениям поездку отложил (должно быть, дела по поводу контракта на будущее время с дирекцией, так как в этом году у него срок контракта кончается)...»

Москва — Иерусалим

Окончание следует.